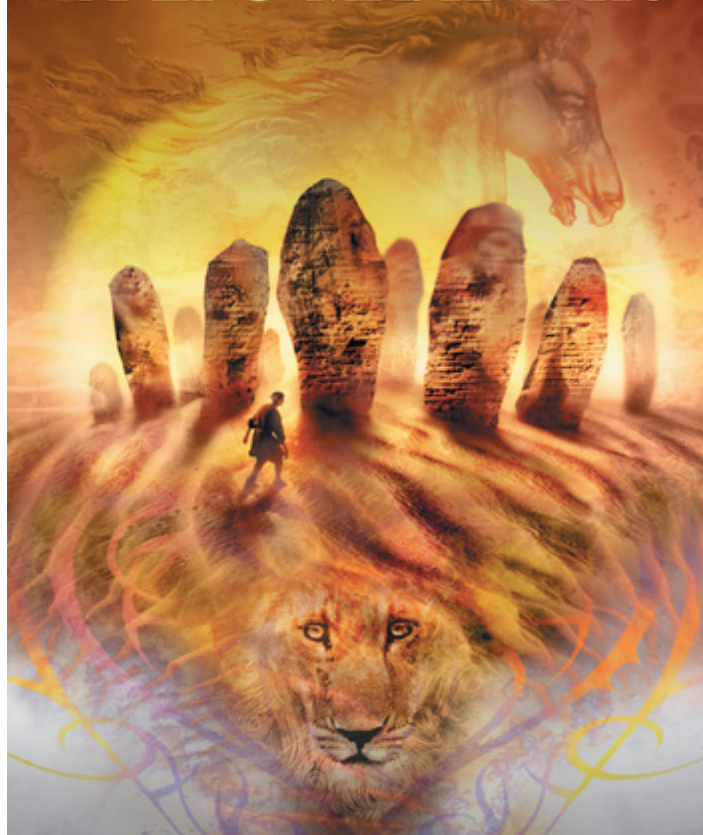


Клайв С. Льюис

# КОНЬ И ЕГО МАЛЬЧИК



**Клайв Стейплз Льюис**  
**Хроники Нарнии:**  
**Конь и его мальчик**  
Серия «Хроники Нарнии», книга 3

*Текст предоставлен издательством*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=123229](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123229)*  
*Конь и его мальчик: Эксмо; Москва; 2010*  
*ISBN 978-5-699-45455-6*

**Аннотация**

Усыновленный в младенчестве мальчик и украденная лошадь устремились галопом к долгожданной свободе в Нарнию. Нарния – волшебная страна, где лошади разговаривают, а отшельники иногда искренне радуются компании; где злодей превращается в вислоухого осла, а отважный мальчик с чистой душой и открытым сердцем отправляется в бой, и подвиг его будет щедро вознагражден.

Нарния – волшебная страна, где приключение только начинается.

# Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# Клайв Льюис

## Конь и его мальчик

*Посвящается Дэвиду и Дугласу Грэшмам*

### Глава первая

### Побег



Это повесть о событиях, случившихся в Нарнии и к Югу от неё тогда, когда ею правили король Питер и его брат и две

сестры. В те дни далеко на Юге, у моря, жил бедный рыбак по имени Аршиш, а с ним мальчик по имени Шаста, звавший его отцом. Утром Аршиш выходил в море ловить рыбу, а днём запрягал осла, клал рыбу в повозку и ехал в ближайшую деревню торговать. Если он выручал много, он возвращался в добром духе и Шасту не трогал; если выручал мало, придирался, как только мог, и даже бил мальчика. Придраться было нетрудно, Шаста делал по дому всё – стирал и чинил сети, стряпал и убирал.

Шаста никогда не думал о том, что лежит от них к Югу; он бывал с Аршишем в деревне, и ему там не нравилось. Он видел точно таких людей, как его отец, – в грязных длинных одеждах, сандалиях и тюрбанах, с грязными длинными бородами, медленно толковавших об очень скучных делах. Зато его живо занимало всё, что лежит к Северу; но туда его не пускали. Чиня на пороге сети, он с тоской глядел на Север, но видел только склон холма, небо и редких птиц.

Когда Аршиш сидел дома, Шаста спрашивал: «Отец, что там, за холмом?» Если Аршиш сердился, он драл его за уши, если же был спокоен, отвечал: «Сын мой, не думай о пустом. Как сказал мудрец, прилежание – корень успеха, а те, кто задаёт пустые вопросы, ведут корабль глупости на рифы неудачи».

Шасте казалось, что за холмом – какая-то дивная тайна, которую отец до поры скрывает от него. На самом же деле рыбак говорил так, ибо не знал, да и знать не хотел, какие

земли лежат к Северу. У него был практический ум.

Однажды с Юга прибыл незнакомец, совсем иной, чем те, кого видел Шаста до сих пор. Он сидел на прекрасном коне, и седло его сверкало серебром. Сверкали и кольчуга, и острие шлема, торчащее над тюрбаном. На боку его висел ятаган, спину прикрывал медный щит, в руке было копье. Незнакомец был тёмн лицом, но Шаста привык к темнолицым, удивило его иное: борода, выкрашенная в алый цвет, вилась кольцами и лоснилась от благовоний. Аршиш понял, что это – тархан, то есть вельможа, и склонился до земли, незаметно показывая Шасте, чтобы и тот преклонил колени.



Незнакомец попросил ночлега на одну ночь, и Аршиш не посмел отказать ему. Все лучшее, что было в доме, хозяин поставил перед ним, а мальчику (так всегда бывало, когда приходили гости) дал кусок хлеба и выгнал во двор. В таких случаях Шаста спал с ослом, в стойле; но было ещё рано и, поскольку никто никогда не говорил ему, что нельзя подслушивать, он сел у самой стены.

– О хозяин! – промолвил тархан. – Мне угодно купить у тебя этого мальчика.

– О господин мой! – отвечал рыбак, и Шаста угадал по его голосу, что глазки у него блеснули. – Как продам я, твой верный раб, своего собственного сына? Разве не сказал поэт: «Сильна, как смерть, отцовская любовь, а сыновняя дороже, чем алмазы»?

– Возможно, – сухо выговорил тархан, – но другой поэт говорил: «Кто хочет гостя обмануть – подлее, чем гиена». Не оскверняй ложью свои уста. Он тебе не сын, ибо ты тёмн лицом, а он светел и бел, как проклятые, но прекрасные нечестивцы с Севера.

– Дивно сказал кто-то, – отвечал рыбак, – что око мудрости острее копья! Знай же, о мой высокородный гость, что я, по бедности своей, никогда не был женат. Но в год, когда Тисрок (да живет он вечно) начал своё великое и благословенное царствование, в ночь полнолуния, боги лишили меня сна. Я встал с постели и вышел поглядеть на луну. Вдруг слышался плеск воды, словно кто-то грёб вёслами, и сла-



бый крик. Немного позже прилив прибил к берегу маленькую лодку, в которой лежал иссушённый голодом человек. Должно быть, он только что умер, ибо он ещё не остыл, а рядом с ним был пустой сосуд и живой младенец. Вспомнив о том, что боги не оставляют без награды доброе дело, я прослезился, ибо раб твой мягкосердечен, и...

– Не хвали себя, – прервал его тархан. – Ты взял младенца, и он отработал тебе вдесятеро твою скудную пищу. Теперь скажи мне цену, ибо я устал от твоего пусторечия.

– Ты мудро заметил, господин, – сказал рыбак, – что труд его выгоден мне. Если я продам этого отрока, я должен купить или нанять другого.

– Даю тебе пятнадцать полумесяцев, – сказал тархан.

– Пятнадцать! – взвыл Аршиш. – Пятнадцать монет за усладу моих очей и опору моей старости! Не смейся надо мною, я сед. Моя цена – семьдесят полумесяцев.

Тут Шаста поднялся и тихо ушёл. Он знал, как люди торгуются. Он знал, что Аршиш выручит за него больше пятнадцати монет, но меньше семидесяти и что спор протянется не один час.

Не думайте, что Шаста чувствовал то самое, что почувствовали бы вы, если бы ваши родители решили вас продать. Жизнь его была не лучше рабства, и тархан мог оказаться добрее, чем Аршиш. К тому же он очень обрадовался, узнав свою историю. Он часто сокрушался прежде, что не может любить рыбака, и когда понял, что тот ему чужой, с души его

упало тяжкое бремя. «Наверное, я сын какого-нибудь тархана, – думал он, – или Тисрока (да живет он вечно), а то и божества!»

Так думал он, стоя перед хужиной, а сумерки сгущались, и редкие звёзды уже сверкали на небе, хотя у заднего края оно отливало багрянцем. Конь пришельца, привязанный к столбу, мирно щипал траву. Шаста погладил его по холке, но конь не обратил внимания.

И Шаста подумал: «Кто его знает, какой он, этот тархан!»  
– Хорошо, если он добрый, – продолжал он вслух. – У некоторых тарханов рабы носят шёлковые одежды и каждый день едят мясо. Может быть, он возьмет меня в поход, и я спасу ему жизнь, и он освободит меня, и усыновит, и подарит дворец... А вдруг он жестокий? Тогда он закуёт меня в цепи. Как бы узнать? Конь-то знает, да не скажет.

Конь поднял голову, и Шаста погладил его шёлковый нос.  
– Ах, умел бы ты говорить! – воскликнул он.  
– Я умею, – тихо, но внятно отвечал конь.  
Думая, что это ему снится, Шаста всё-таки крикнул:  
– Быть того не может!  
– Тише! – сказал конь. – На моей родине есть говорящие животные.

– Где это? – спросил Шаста.

– В Нарнии, – отвечал конь.

– Меня украли, – рассказывал конь, когда оба они успоко-

ились. – Если хочешь, взяли в плен. Я был тогда жеребёнком, и мать запрещала мне убегать далеко к Югу, но я не слушался. И поплатился же я за это, видит Лев! Много лет я служу злым людям, притворяясь тупым и немым, как их кони.

– Почему же ты им не признаёшься?

– Не такой я дурак! Они будут показывать меня на ярмарках и сторожить ещё сильнее. Но оставим пустые беседы. Ты хочешь знать, каков мой хозяин Анрадин. Он жесток. Со мной – не очень, кони дороги, а тебе, человеку, лучше умереть, чем быть рабом в его доме.

– Тогда я убегу, – сказал Шаста, сильно побледнев.

– Да, беги, – сказал конь. – Со мною вместе.

– Ты тоже убежишь? – спросил Шаста.

– Да, если ты тоже убежишь, – сказал конь. – Тогда мы, может быть, и спасёмся. Понимаешь, если я буду без всадника, люди увидят меня и скажут: «У него нет хозяина» – и погонятся за мной. А с всадником – другое дело... Вот и помоги мне. Ты ведь далеко не уйдёшь на этих дурацких ногах (ну и ноги у вас, людей!), тебя поймают. Умеешь ты ездить верхом?

– Конечно, – сказал Шаста. – Я часто езжу на осле.

– На чём? Ха-ха-ха! – презрительно усмехнулся конь (во всяком случае, хотел усмехнуться, а вышло скорее «го-го-го!...», у говорящих коней лошадиный акцент сильнее, когда они не в духе). – Да, – продолжал он, – словом, не умеешь. А падать хотя бы?

– Падать умеет всякий, – отвечал Шаства.

– Навряд ли, – сказал конь. – Ты умеешь падать, и вставать, и, не плача, садиться в седло, и снова падать, и не бояться?

– Я... постараюсь, – сказал Шаства.

– Бедный ты, бедный, – гораздо ласковей сказал конь, – всё забываю, что ты – детёныш. Ну ничего, со мной научишься! Пока эти двое спорят, будем ждать, а заснут – тронемся в путь. Мой хозяин едет на Север, в Ташбаан, ко двору Тисрока.

– Почему ты не прибавил «да живет он вечно»? – испугался Шаства.

– А зачем? – спросил конь. – Я свободный гражданин Нарнии. Мне не пристало говорить, как эти рабы и недоумки. Я не хочу, чтобы он вечно жил, и знаю, что он умрёт, чего бы ему ни желали. Да ведь и ты свободен, ты – с Севера. Мы с тобой не будем говорить на их манер! Ну, давай обсуждать наши планы. Я уже сказал, что мой человек едет на Север, в Ташбаан.

– Значит, нам надо ехать к Югу?

– Нет, – сказал конь. – Если бы я был нем и глуп, как здешние лошади, я побежал бы домой, в своё стойло. Дворец наш – на Юге, в двух днях пути. Там он и будет меня искать. Ему и не догадаться, что я двинусь к Северу. Скорее всего, он решит, что меня украли.

– Ура! – закричал Шаства. – На Север! Я всегда хотел его

увидеть.

– Конечно, – сказал конь, – ведь ты оттуда. Я уверен, что ты хорошего северного рода. Только не кричи. Скоро они заснут.

– Я лучше посмотрю, – сказал Шаста.

– Хорошо, – сказал конь. – Только поосторожней.

Было совсем темно и очень тихо, одни лишь волны плескались о берег, но этого Шаста не замечал, он слышал их день и ночь, всю жизнь. Свет в хижине погасили. Он прислушался, ничего не услышал, подошёл к единственному окошку и различил секунды через две знакомый храп. Ему стало смешно: подумать только, если всё пойдёт как надо, он больше никогда этих звуков не услышит! Стараясь не дышать, он немножко устыдился, но радость была сильнее стыда. Тихо пошёл он по траве к стойлу, где был ослик, – он знал, где лежит ключ, отпер дверь, отыскал седло и уздечку: их спрятали туда на ночь.

Потом поцеловал ослика в нос и прошептал: «Прости, что мы тебя не берём».

– Пришёл наконец! – сказал конь, когда он вернулся. – Я уже гадал, что с тобой случилось.

– Я доставал твои вещи из стойла, – ответил Шаста. – Ты не скажешь, как их приладить?

Потом довольно долго он их прилаживал, стараясь ничем не звякнуть. «Тут потуже, – говорил конь. – Нет, вот здесь. Подтяни ещё». Напоследок он сказал:

– Вот смотри, это поводья, но ты их не трогай. Приспособь их посвободней к луке седла, чтобы я двигал головой, как хотел. И главное, не трогай.

– Зачем же они тогда? – спросил Шаста.

– Чтобы меня направлять, – отвечал конь. – Но сейчас выбирать дорогу буду я, тебе их трогать ни к чему. А ещё – не вцепляйся мне в гриву.

– За что же мне держаться? – снова спросил Шаста.

– Сжимай крепче колени, – сказал конь. – Тогда и научишься хорошо ездить. Сжимай мне коленями бока сколько хочешь, а сам сиди прямо и локти не растопыривай. Что ты там делаешь со шпорами?

– Надеваю, конечно, – сказал Шаста. – Уж это я знаю.

– Сними их и положи в перемётную суму. Продадим в Ташбаане. Снял? Ну, садись в седло.

– Ох, какой ты высокий! – с трудом выговорил Шаста после первой неудачной попытки.

– Я конь, что поделаешь, – сказал конь. – А ты на меня лезешь, как на стог сена. Вот так получше! Теперь *распря-мись* и помни насчёт коленей. Смешно, честное слово! На мне скакали в бой великие воины, и дожил я до такого мешка! Что ж, поехали. – И он засмеялся, но не сердито.

Конь превзошёл себя, так он был осторожен. Сперва он пошёл на Юг, старательно оставляя следы на глине, и начал переходить вброд речку, текущую в море, но на самой её середине повернул и пошёл против течения. Потом он вышел

на каменистый берег – там следов не оставишь – и долго двигался шагом, пока хижина, стойло, дерево – словом всё, что знал Шаста, – не растворилось в серой мгле июльской ночи. Тогда Шаста понял, что они уже на вершине холма, отделявшего от него мир. Он не мог толком разобрать, что впереди – как будто и впрямь весь мир, очень большой, пустой, бесконечный.

– Ах, – обрадовался конь, – самое место для галопа!

– Ой, не надо! – сказал Шаста. – Я ещё не могу... пожалуйста, конь! Да, как тебя зовут?

– И-йо-го-го-га-га-га-а!..

– Мне не выговорить, – сказал Шаста. – Можно я буду звать тебя Игого?

– Что ж, зови, если иначе не можешь, – согласился конь. – А тебя как называть?

– Шаста.

– Да... Вот это и впрямь не выговоришь. А насчет галопа ты не бойся, он легче рыси, не надо подниматься-опускаться. Сожми меня коленями (это называется шенкеля) и смотри прямо между ушей. Только не гляди вниз! Если покажется, что падаешь, сожми сильнее, выпрями спину. Готов? Ну, во имя Нарнии!..

## Глава вторая

### Первое приключение



Солнце стояло высоко, когда Шаста проснулся, ибо что-то тёплое и влажное прикоснулось к его щеке.

Открыв глаза, он увидел длинную конскую морду, вспомнил вчерашние события, сел и громко застонал.

– Ой, – еле выговорил он, – всё у меня болит. Всё как есть. Еле двигаюсь.

– Здравствуй, маленький друг, – сказал конь. – Ты не бойся, это не от ушибов, ты и упал-то раз десять, и всё на траву. Даже приятно... Правда, один раз ты отлетел далеко, но



угодил в куст. Словом, это не ушибы, так всегда бывает поначалу. Я уже позавтракал. Завтракай и ты.

– Какой там завтрак! – сказал Шаста. – Говорю же, я двинуться не могу.

Но конь не отставал; он трогал несчастного и копытом, и мордой, пока тот не поднялся на ноги, а поднявшись – не огляделся. Оттуда, где они ночевали, спускался пологий склон весь в белых цветочках. Далеко внизу лежало море – так далеко, что едва доносился всплеск волн. Шаста никогда не смотрел на него сверху и не представлял, какое оно большое и разноцветное. Берег уходил направо и налево, белая пена кипела у скал, день был ясный, солнце сверкало. Особенно поразил Шасту здешний воздух. Он долго не мог понять, чего же не хватает, пока не догадался, что нету главного – запаха рыбы. (Ведь там – и в хижине, и у сетей – рыбой пахло всегда, сколько он себя помнил.) Это ему очень понравилось, и прежняя жизнь показалась давним сном. От радости он забыл о том, как болит всё тело, и спросил:

– Ты что-то сказал насчет завтрака?

– Да, – ответил конь, – посмотри в сумках. Ты их повесил на дерево ночью... нет, скорей под утро.

Он посмотрел и нашёл много хорошего: совсем свежий пирог с мясом, кусок овечьего сыра, горстку сушёных фиг, плоский сосудец с вином и кошелек с деньгами. Столько денег – сорок полумесяцев – он никогда ещё не видел.

Потом он осторожно сел у дерева, прислонился спиной к

стволу и принялся за пирог; конь тем временем пощипывал травку.

– А мы можем взять эти деньги? – спросил Шаста. – Это не воровство?

– Как тебе сказать, – отвечал конь, прожёвывая траву. – Конечно, свободные говорящие звери красть не должны, но это... Мы с тобой бежали из плена, мы – в чужой земле, деньги – наша добыча. И потом, без них не прокормишься. Насколько мне известно, вы, люди, не едите травы и овса.

– Не едим.

– А ты пробовал?

– Да, бывало. Нет, не могу. И ты бы не мог на моём месте.

– Странные вы твари, – заметил конь.

Пока Шаста доедал лучший завтрак в своей жизни, друг его сказал: «Покатаюсь-ка, благо – без седла!...» Лег навзничь и стал кататься по земле, приговаривая:

– Ах, хорошо! Спину почешешь, ногами помашешь. Покатайся и ты, сразу легче станет.

Но Шаста засмеялся и сказал:

– Какой ты смешной!

– Ничего подобного! – ответил конь, но тут же лёг на бок и испуганно прибавил: – Неужели смешной?

– Да, – отвечал Шаста. – Ну и что?

– А вдруг говорящие лошади так не делают? – перепугался конь. – Вдруг эта глупая, *здешняя* привычка? Какой ужас! Прискачу в Нарнию, и окажется, что я не умею себя вести.

Как ты думаешь, Шаста? Нет, честно. Я не обижусь. Настоящие, свободные кони... говорящие... они катаются?

– Откуда же мне знать? Да ты не бойся! Приедем – увидим. Ты знаешь дорогу?

– До Ташбаана – знаю. Потом дороги нет, там большая пустыня. Ничего, одолеем! Нам будут видны горы, ты подумай – северные горы! За ними Нарния! Только бы пройти Ташбаан! От остальных городов надо держаться подальше.

– Обойти его нельзя?

– Тогда придётся сильно кружить, боюсь заплутаться. В глубине страны – большие дороги, возделанные земли... Нет, пойдем вдоль берега. Тут нет никого, кроме овец, кроликов и чаек, разве что пастух-другой. Что ж, тронемся?

Шаста оседлал коня и с трудом сел в седло, ноги у него болели, но Игого сжалился над ним и до самых сумерек шёл шагом. Когда уже смеркалось, они спустились по тропкам в долину и увидели селение. Шаста спешил и купил там хлеба, лука и редиски, а конь, обогнув селение, остановился дальше, в поле. Через два дня они снова так сделали, и через четыре – тоже.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.